

Насртдинова Валентина Михайловна

**ПРАВОСЛАВНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ В ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНОЙ РОССИИ:
РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

Анализируя трансформативные процессы, присущие религиозному сознанию постперестроечной России, автор рассматривает характеристики религиозной сферы в жизни российского социума заявленного периода и обращается к феномену масштабного внимания общества к православию в последнее десятилетие XX века. В рамках настоящей статьи подводятся социально-философские обоснования под значительный социокультурный интерес россиян к православию и деятельности Русской Православной Церкви, исследуется природа современной православной религиозности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/11-1/32.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. I. С. 116-120. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

STRATEGIES OF THE FAR EAST TRANSPORT DEVELOPMENT AND THEIR IMPLEMENTATION IN THE RECENT HISTORY OF RUSSIA (2000-2015)

Medvedeva Lyudmila Mikhailovna, Doctor in History, Professor
Laurent'ev Aleksandr Valentinovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Vladivostok State University of Economics and Service
medvedeva_l@mail.ru; lavrist@list.ru

The article deals with the directions of the transport development of the Russian Far East at the beginning of the XXI century. The main results of the implementation of the government programs on the transport infrastructure expansion are represented. The conditions and trends of the communication system improvement are shown. The problems of the resource support of the transport sector are analyzed. The qualitative disparities of regional communications are identified and the necessity to overcome them as soon as possible for the full development of the Far East is substantiated.

Key words and phrases: Far East; Asia-Pacific Region; communication lines; transport; federal purpose-oriented programs.

УДК 101.1:316

Философские науки

Анализируя трансформативные процессы, присущие религиозному сознанию постперестроечной России, автор рассматривает характеристики религиозной сферы в жизни российского социума заявленного периода и обращается к феномену масштабного внимания общества к православию в последнее десятилетие XX века. В рамках настоящей статьи подводятся социально-философские обоснования под значительный социокультурный интерес россиян к православию и деятельности Русской Православной Церкви, исследуется природа современной православной религиозности.

Ключевые слова и фразы: российское религиозное сознание; Русская Православная Церковь; постперестроечный период; духовное возрождение; массовое крещение; воцерковленность.

Насртдинова Валентина Михайловна

Казанский (Приволжский) федеральный университет
vmnasrtidinova@mail.ru

ПРАВОСЛАВНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ В ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНОЙ РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ[©]

В мировой истории существуют такие десятилетия, референция к которым оказывается нередко сопряжена с употреблением ёмких прилагательных, лаконично и красочно характеризующих их ключевые качественные особенности. Так, второе десятилетие двадцатого века осталось вписанным в американскую историю как «ревушие двадцатые» (англ. *the roaring twenties*), а 1940-е гг., связанные с опытом переживания великой мировой войны, идентифицируются как «сороковые, роковые» не только на постсоветском пространстве – термин «the fatal fourties» используется и аутентично англоязычной литературой [20]. Не обошла участь своеобразной стигматизации ноумена и новейшую российскую историю – почти повсеместно последняя декада ушедшего столетия упоминается не иначе как «лихие девяностые». Употребление этого эпитета объяснимо, ведь практически все тенденции и процессы, которыми ознаменовалось это десятилетие, имели крайние, предельные формы своего воплощения: стратификация общества – стремительная, безработица – масштабная, криминогенность – феноменально высокая; инфляция – с приставкой -гипер. Кроме того, в сравнительно непродолжительном временном отрезке оказались явлены события, которые, в силу их значительной роли и влияния на все сферы общественной жизни, могут считаться, без преувеличения, знаковыми. Такая событийная плотность и насыщенность информационного поля 1990-х гг. делают этот период актуальным объектом академического исследования, в том числе – и социально-философского, предметом своего анализа избирающего определенные процессы и явления в общественных отношениях или общественном сознании эпохи. В рамках настоящей работы мы рассмотрим трансформативные процессы, происходившие в российском религиозном сознании по отношению к православию.

Анализируя эволюцию религиозного сознания в постперестроечной России, необходимо принимать во внимание влияние ряда взаимообусловленных существовавших тенденций. С одной стороны, ситуация утраты советскими идеалами их всеобщей популярности послужила причиной острого поиска духовных и нравственных ориентиров и логичную в подобном случае направленность внимания общества к религии. В то же время, обозначается объективная невозможность для последней стать единым консолидирующим и структурирующим духовную жизнь общества началом в силу существующих в общественном сознании представлений о «разоблаченности» религиозной природы. Марксистское учение последовательно развивало тезис о социальных корнях религии, рассматривало религию как искусственный конструкт, закрепляющий неравенство и эксплуатацию

человека человеком в классовом обществе, как порожденный капиталистическим обществом инструмент утешения. Советская атеистическая пропаганда также отводила религии место искусственной, социально и аналитически синтезированной идеологии, отражающей и закрепляющей порядок несправедливого классового общественного устройства. И если на протяжении существования советского государства его граждане были обеспечены как идеологическими установками, так и системой нравственных ценностей и идеалов, то прекращение существования советского государства оставило бывших советских граждан в ситуации эмоциональной и социальной растерянности, дезориентированности, идеологического вакуума, духовного кризиса, социальной аномии. С другой стороны, реалиями перестройки оказываются фундированы и определенные позитивные тенденции в религиозной сфере. Так, несмотря на некоторые противоречия [13, с. 132-134], 1988 г., прежде всего в связи с празднованием тысячелетнего юбилея крещения Руси, становится отправной точкой увеличения внимания общества к области культуры, роста национального самосознания, стремления к духовному ренессансу, усиления настроений – прохристианских в целом и проправославных в особенности. Отмечают эту тенденцию и российские религиоведы, например, В. Е. Касьянов считает, что в указанный период «как на уровне сознания граждан России, так и на уровне государственной политики сформировалось крайне позитивное отношение к религии» [10, с. 28]; временем «безбрежного интереса и симпатии к “духовному”» начало девяностых называет С. Б. Филатов [17, с. 470-483], а академик Л. Н. Митрохин данный отрезок времени характеризует как «эпоху религиозной эйфории, которая суммировалась в убеждении, будто без религии (речь шла преимущественно о православии) у России нет будущего» [11, с. 84].

Флагманом описанной тенденции стремления к духовному возрождению становится православие, которое приобретает все более заметную роль в общественной жизни страны. В 1991 г. впервые 7 января объявлено выходным днем в связи с празднованием Рождества Христова [14].

Одной из отличительных особенностей религиозной жизни начала девяностых является тенденция массового крещения. Митрополит Илларион (Алфеев) приводит следующие данные: «В конце 1980-х и начале 1990-х годов миллионы людей на всем пространстве бывшего Советского Союза пришли к православной вере. В крупных городских храмах крестились десятки и сотни людей ежедневно, один священник мог в течение одного года окрестить несколько тысяч людей» [7, с. 162].

Также наблюдается тенденция увеличения числа приходов РПЦ, которая на протяжении всего рассматриваемого периода будет продолжать оставаться актуальной: за период чуть более пятнадцати лет это число увеличится многократно – с 9734 в 1989 г. [8, с. 9] до 27942 в 2007 г. [3].

В своей работе «Тесным путем» В. Ф. Чеснокова приводит, ссылаясь на ВЦИОМ, следующие данные о религиозности россиян (см. Таблицу 1) [19, с. 182], иллюстрирующие как процесс увеличения количества верующих (в подавляющей массе своей – православных) среди населения, так и снижение процента неверующих за последнее десятилетие XX в.

Таблица 1.

Данные о религиозности россиян за период с 1989 г. по 2002 г.

Признали себя:	1989	1990	1991	1992	1997	2000	2002
неверующими	53	45	40	28	35	31	31,0
верующими православными	20	25	34	47	54	56	57,6
других вероисповеданий	9	13	10	10	7	8	7,4
затруднились ответить	18	17	16	15	3	5	3,9

Однако дает ли такое декларативное самоопределение граждан основания полагать, что в постсоветский период Россия, будучи светским государством, становится страной *глубоко и осознанно верующей*, а православие обретает в ней роль духовного лидера?

Российский религиовед С. Б. Филатов, анализируя сложившуюся ситуацию, обращается к данным социологических опросов, выявляющих подлинный уровень включенности россиян в активную религиозную жизнь, и приводит следующие цифры: «...не реже раза в месяц в богослужении участвуют 6-7% русских людей <...> Есть серьезные основания предполагать, что и эта цифра завышена относительно реальности. Так, по данным органов внутренних дел г. Москвы, в пасхальном богослужении 1999 г. участвовало менее 2% взрослого населения города, а Москва – далеко не самый безрелигиозный город России. По данным опроса 1999 г., в течение года причащались менее 8% россиян. Почти столь же неутешительны данные о вере в основные положения православного вероучения. В существование живого личного Бога в 1999 г. верили, согласно опросам, 18%, в загробную жизнь – 24%, в воскресение мертвых – 10%» [16, с. 7-20].

Таким образом, объективная данность опровергает оптимистический тезис о безоговорочной и уверенной реставрации православия и подлинном, глубинном к нему возвращении. В связи с этим возникают следующие вопросы:

- во-первых, каковы в таком случае причины внешних проявлений массовой христианизации населения и последующего позиционирования себя как приверженцев данной конфессии;
- во-вторых, учитывая очевидный интерес и симпатии общества к православию, что помешало росту его реальной, а не анонсированной религиозности?

Итак, выявляя причины роста популярности православия и, как следствие, роста числа населения лояльного, сочувствующего и/или заявляющего свою к нему приверженность в начале девяностых, необходимо понимать,

что крушение Советского государства и упадок советской системы ценностей спровоцировали глубокий кризис самоидентификации в российском обществе. По определению Ю. Ю. Синелиной, «поскольку они [люди] перестали быть советскими, они снова стали русскими, а “русские – значит православные”» [15, с. 243-255], т.е. в качестве одной из ведущих причин следует понимать обострившуюся проблему самоопределения. Катализатором этих настроений, безусловно, явилось и празднование тысячелетнего юбилея крещения Руси.

Следующим основанием, способствовавшим описываемому сплочению вокруг РПЦ, являются, на наш взгляд, фактор страха и ощущение безысходности, бывшие в те годы заметными слагаемыми общественных настроений. Пытаясь справиться с лавинами политических метаморфоз, удержаться за что-нибудь в стремительно меняющемся мире, люди не только искали утешения в православном вероучении, но и обращались к РПЦ как к институту – гаранту национальных ценностей, патриотизма, народности.

Рост инфляции в стране, остановка многих промышленных гигантов, задержки выплаты заработной платы или выплата её т.н. «бартером», рост безработицы, многочисленные забастовки, расстрел здания Парламента в 1993 г., рост преступности – все это, несомненно, способствовало усилению мотивов социальной неустроенности, незащищенности, безнадежности бытия в общественном сознании. Не заставили себя ждать и печальные последствия: рекордным по потреблению алкоголя на душу населения и числу самоубийств (почти 62 тысячи зарегистрированных фактов) [4] становится 1994 г. Параллельно данные социологических опросов фиксируют как увеличение количества верующих вообще, так и православных в частности; следовательно, есть основания говорить о весомом вкладе религиозных организаций и прежде всего РПЦ в стабилизацию сложной социальной ситуации девяностых, ведь становясь перед экзистенциальной дилеммой, не все сделают выбор в пользу крайних мер, а названные организации оказываются способными удовлетворить потребность людей в утешении и стать для них символом надежды.

Далее рассмотрим факторы, обуславливающие, на наш взгляд, незначительную степень катехизации населения.

Во-первых, девяностые годы создали сложный лабиринт социальных реалий, потребовавших от индивида высокой степени *социального присутствия*. Данный термин вводится нами для обозначения усиления непосредственного влияния и увеличения наличия социальной проблематики в жизни отдельного гражданина. Иными словами, россиянам пришлось прикладывать больше усилий для обеспечения себя и своих семей, а порой и просто для выживания. Значительная часть населения страны начинают переходить в трудовые сферы, ранее им незнакомые и несвойственные: например, кадровые военные, вчерашние сотрудники различных НИИ, во множестве расформированных, оказывались вынуждены осваивать торговлю, область бизнеса, частное предпринимательство. Беспрецедентным стало число таксистов, имеющих высшее образование. Наряду с материальными потребностями, велик был запрос на удовлетворение потребностей информационных: первая и вторая чеченские кампании, убийства В. Листьева, Г. Старовойтовой, Л. Ролина, дефолт 1998 г., террористические акты, криминальные разборки, «человек, похожий на прокурора», громкие политические заявления, гибель АПЛ «Курск» в 2000 г. и символически ознаменовавшее конец эпохи затопление орбитальной станции «Мир» в 2001 г. – все это создавало ощущение большой истории, вершащейся за окном, и делало граждан ее непосредственными свидетелями. Информационно-аналитические программы, такие как «Время», «Вести» и др., собирали перед экранами, без преувеличения, всю страну. Отличительная особенность общественного сознания тех лет – активная гражданская позиция, ощущение причастности, наличие *отношения* ко всему. Таким образом, сама Эпоха, событийная «плотность» тех лет не оставляла людям возможности – ни временной, ни пространственной – для тщательного изучения основ вероучений. Было в буквальном смысле «не до того».

Во-вторых, принцип «отсроченного блага» («будь праведником сейчас и обретешь вечное блаженство после смерти и войдешь во врата рая»), наличествующий во всех т.н. авраамических религиях, с трудом воспринимался населением, т.к., с одной стороны, отсутствовала традиция преемственности поколений, разрушенная за годы советской власти, и принцип этот более не интерпретировался как сам собою разумющийся, а во-вторых, именно советский период, как ни парадоксально, в конечном итоге отучил человека *верить*, воспитал разуверившегося скептика, не желающего идти за какими бы то ни было обещаниями, а тем более отложенными во времени и трудно верифицируемыми. Необычайную популярность снискали в те годы различные амулеты, талисманы, обереги, прежде всего, конечно, в силу основанности на принципе моментального действия – «приобрел, поставил (повесил) – работает».

Психолог В. Е. Семенов, основываясь на данных исследований, проведенных кафедрой психологии СПбГУ, указывает на то, что в данный период «происходит очевидный процесс интимизации и прагматизации жизненных ценностей, резкого повышения роли материально-денежного фактора в современной жизни. Здоровье, семья и материальная обеспеченность заняли в 1994-1995 гг. первые три места в ценностных ориентациях россиян. Таким образом, в альтернативе общественное – личное все большее число россиян делает выбор в пользу личного» [1, с. 65]. Стоит ли говорить, что подобная актуализация традиционно капиталистических, бюргерских ценностей не способствовала популяризации классики христианской аксиологии – кротости, скромности, смирения, бескорыстия и нестяжательства. А если еще и добавить к сказанному выше факт недоступности церковнославянского языка богослужений для большинства россиян, то становится очевидным, что фактор дистанцированности убеждений усугубляется и сугубо «технической» стороной вопроса.

В-третьих, на наш взгляд, сознательному желанию влиться в церковную жизнь не благоприятствовал и складывающийся в те годы характер взаимоотношений государства и Церкви. Существует, к примеру, оценка С. Б. Филатова, который следующим образом описывает этот процесс: «...менялась и государственная политика по отношению к религии. <...> к 1997 г. федеральное законодательство о свободе совести,

утверждавшее отделение церкви от государства, по сути дела уже вообще не работало в своих основных, принципиальных положениях – не существовало отделения ни церкви от государства, ни школы от церкви; церковь допустили в учебные заведения в виде православных гимназий, факультативов, курсов изучения “православной культуры” и в других формах. Московская патриархия заключила договоры о сотрудничестве с силовыми ведомствами и некоторыми другими министерствами, которые предоставили ей широкое присутствие в армии, милиции и некоторых госучреждениях. Для большинства населения страны православие становится национальным культурным символом: люди радуются возрождению церковью и монастырями, народных праздников и традиций. Но государство не просто идет навстречу этим настроениям. Оно подхватывает их и стремится на них опереться» [17, с. 470-483].

Казалось бы, признание православных ценностей на государственном уровне должно было стать и символом возрождения духовных основ, и мощным консолидирующим фактором, однако возымело обратный эффект. Причиной тому, на наш взгляд, явился феномен, который мы предлагаем называть *политической усталостью* российского общества. Данные социологических опросов указывают на то, что «в 1996 г. по сравнению с 1988 г., выросло на 28% количество россиян, не интересующихся политикой» [8, с. 249]. Эта тенденция объяснима – долгие годы российское общественное сознание было чрезвычайно политизированным; удельный вес политической информации в жизни индивида был феноменально высоким.

Как известно, сатира является такой художественной формой, где критика смягчена юмором, а в фокусе её оказываются, как правило, остросоциальные, имеющие крайние формы своего воплощения аспекты. Незамеченной проблема чрезмерной политизированности общественного сознания 90-х гг. не остается и для российской сатиры: в 1996 г. В. Винокур выступает с монологом «Жуть с ружьем», который открывается словами: «Утром глаза открыл, телевизор включил, ни по одной программе не говорят про выборы. Я думал, я умер» [18]; помимо политики, он выделяет еще одну тенденцию социальной психологии данного периода – высокую криминогенность общества и, как следствие, – крайнюю, почти абсурдную бдительность индивида.

Кроме того, на протяжении многих лет людям в директивном порядке указывали, во что верить. Начавший оформляться в стране молодой капитализм с необходимостью повлек возникновение индивидуалистических настроений, желание выстроить личное пространство, иметь самостоятельные, независимые суждения. В связи с этим, известная степень сращения государства и Церкви воспринималась как своеобразная демонстрация «правильного объекта веры», а потому – без энтузиазма.

Важно помнить и тот факт, что являясь по природе своей разновидностью секулярной религии, идеология марксизма-ленинизма так и не дала людям возможности познать блага бытия в светском государстве. В том числе и поэтому, «обжегшись» на коммунистических постулатах, люди не стали торопиться изучать основы другой идеологии.

Более того, мы считаем, что существует и причина «насухного», материально-фактического характера. РПЦ буквально количественно не смогла «окормить» огромные массы людей, в неё пришедших, и, не найдя «свой храм, своего батюшку», эти люди «выпали за церковную ограду». Таким образом, удовлетворен оказался лишь первоначальный, эмоционально-интуитивный импульс, впоследствии ослабевший. Действительно, если в 1917 г. число православных священнослужителей составляло, по разным оценкам, от 66 000 до 110 000 человек [2; 12] (в современной России – около 30000) [6], то в первые постперестроечные годы эта цифра не превышала семи тысяч человек [5].

Итак, по итогам произведенного анализа мы пришли к выводу, что явление массовой христианизации в 1990-е гг. обусловлено, с одной стороны, глубоким кризисом идентичности индивида в контексте прекращения существования советского государства и вызванными этим идеологическим вакуумом и социальной anomией, а с другой стороны – сложной системой социальных реалий рассматриваемого периода: экономической и политической нестабильностью, стратификацией общества, высокой криминогенностью, инфляцией, безработицей.

В качестве факторов, препятствовавших росту подлинной воцерковленности граждан, мы предлагаем рассматривать характер взаимоотношений Церкви и государства в указанный период, отсутствие достаточного количества подготовленных священнослужителей, идеологический скептицизм, а также социально-психологическую невосребованность принципа «отсроченного блага», на котором выстраивается риторика большинства авраамических религий, в том числе – и православного христианства.

Список литературы

1. В поиске социальной парадигмы (круглый стол) // Социологические исследования. М., 1995. № 10. С. 63-70.
2. Васильева О. Сокрушение совести. Из истории государственно-церковных отношений в 1917 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/973.htm> (дата обращения: 18.05.2015).
3. Вступительная речь Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Епархиальном собрании г. Москвы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/342893.html> (дата обращения: 13.05.2015).
4. Гилинский Я., Румянцев Г. Самоубийства в России // Население и общество: информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народохозяйственного прогнозирования РАН. 1998. № 25. С. 1-4.
5. Доклад Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на Поместном Соборе Русской Православной Церкви (г. Москва, 27-29 января 2009 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/541724.html> (дата обращения: 19.05.2015).
6. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви (2 февраля 2013 года) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2770923.html> (дата обращения: 20.05.2015).
7. Епископ Иларион (Алфеев). Православие. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. Т. 1. 864 с.
8. Журнал Московской Патриархии. 1990. № 2.

9. **История и культурология:** учебное пособие для студентов вузов / Н. В. Шишова, Т. В. Акулич, М. И. Бойко, А. М. Власова, О. В. Дружба, А. Ю. Новиков, В. А. Рамих, В. А. Ушкалов; под ред. Н. В. Шишовой. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Логос, 2000. 456 с.
10. **Касьянов В. Е.** Эволюция религиозности в постсоветской России: дисс. ... к. филос. н. Ростов-на-Дону, 2005. 146 с.
11. **Митрохин Л. Н.** Философия религии: новые перспективы // Рационализм и культура на пороге III тысячелетия: приветствия и пленарные доклады Третьего российского философского конгресса. Ростов-на-Дону, 2003.
12. **Мошков Я.** Святые Новомученики и Исповедники Российские, молитесь Богу о нас! [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2014/02/10/svyatye_novomucheniki_i_iskovedniki_rossijskie_molite_boga_o_nas/ (дата обращения: 16.05.2014).
13. **Насртдинова В. М.** Тенденции религиозного сознания российского общества перестроечного времени // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (55). Ч. 1. С. 132-134.
14. **Об объявлении 7 января (Рождества Христова) нерабочим днём** [Электронный ресурс]: Постановление Верховного Совета РСФСР от 27.12.1990 г. № 2981-I. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901818286> (дата обращения: 20.08.2015).
15. **Синелина Ю. Ю.** Религиозность в современной России // Отечественные записки. 2013. № 1 (52). С. 243-255.
16. **Филатов С. Б.** Парадоксы современной российской религиозности // Языческие верования и христианство Русского Севера: сб. науч. тр. / ред.-сост. Д. Г. Шкаев; отв. ред. Г. В. Хлебников. М., 2012. С. 7-20.
17. **Филатов С. Б.** Послесловие. Религия в постсоветской России // Религия и общество: очерки религиозной жизни современной России. М. – СПб.: Летний сад, 2002. С. 470-483.
18. **Французов Л. М.** Жуть с ружьем [Электронный ресурс]. URL: <http://frantsuzov.ru/texts/jut.html> (дата обращения: 15.07.2015).
19. **Чеснокова В. Ф.** Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический Проект, 2005. 297 с.
20. **The Holocaust and the Book: Destruction and Preservation** / ed. by J. Rose. Amherst: University of Massachusetts Press, 2008. 328 p.

ORTHODOX RELIGIOSITY IN POST-PERESTROIKA RUSSIA: RETROSPECTIVE SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Nasrtdinova Valentina Mikhailovna
Kazan (Volga Region) Federal University
vmnasrtdinova@mail.ru

Analyzing transformative processes peculiar to the religious consciousness of post-perestroika Russia the author examines the characteristics of religious sphere in the life of the Russian society of the period under consideration and appeals to the phenomenon of the large-scale attention of the society to Orthodoxy in the last decade of the XX century. In the framework of this paper social and philosophical arguments for the significant socio-cultural interest of the Russians to Orthodoxy and the activity of the Russian Orthodox Church are substantiated, the nature of contemporary Orthodox religiosity is considered.

Key words and phrases: Russian religious consciousness; Russian Orthodox Church; post-perestroika period; spiritual revival; mass christening; churching.

УДК 323:28(470+571):(477.75)

Политология

Определены параметры политической институционализации исламских объединений в условиях многосоставного общества (на примере Автономной Республики Крым в 1992 – феврале 2014 г.). Выявлены изменения этнодемографии и ареала расселения мусульман в Крыму. Установлен институциональный тип строения исламских объединений. Раскрыты проявления роста влияния экстремистских организаций – партии «Хизб ут-Тахрир аль-Исламия», салафитов. Определены тенденции развития общественного мнения мусульман Крыма по политическим вопросам.

Ключевые слова и фразы: исламские объединения; политическая институционализация; многосоставное общество; Крым; крымские татары; крымское общество; конфессии.

Нунуев Саид-Хамзат Махмудович, к.и.н.
Чеченский государственный университет
nunuev2015@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В УСЛОВИЯХ МНОГОСОСТАВНОГО ОБЩЕСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)®

Тема статьи обладает актуальностью и в теоретическом, и в прикладном аспекте политической науки. В глобализируемом мире растет число стран и регионов, которые имеют поликонфессиональное население,